

— Вы собираетесь играть в гольф? Тогда мне нужно забронировать поле, — Дай Чжию, как всегда, не понял шутки и, достав из сумки блокнот, начал внимательно листать его. — Эй, не получится. Завтра Але должен сопровождать бабушку на медицинский осмотр, вечером у мачехи Сяояня день рождения, а послезавтра у нас встреча с господином Чжу...

В комнате на две секунды воцарилась тишина, а затем раздался дружный смех.

Дай Чжию прозвали «Тупицей» не только потому, что он был немного медлительным, но и из-за его большой головы. Большая голова, конечно, означала и большую память. Он мог точно запомнить дни рождения, группы крови, предпочтения, вкусы и даже расписание своих друзей. Каждый день он суетился, как заботливая нянька, ухаживая за всеми, и уже много лет не уставал от этого. Во время учебы он был лучшим в классе, часто выполнял домашние задания за троих друзей, а в сочинениях мог одновременно имитировать четыре совершенно разных стиля. Когда дело доходило до физической активности, такой как футбол или драки, он добросовестно выполнял роль вешалки, стоя в безопасной зоне и позволяя всем вешать на него куртки и рюкзаки.

Все они были из хороших семей. Отец Дай Чжию был верховным судьей, мать работала в Министерстве юстиции, а дед был уважаемым общественным деятелем. Семья всегда надеялась, что он тоже пойдет по юридической стезе. К сожалению, Дай Чжию не разделял этих амбиций. Хотя он окончил университет с отличием, после двух лет стажировки так и не смог получить лицензию адвоката, став в глазах родителей полным неудачником.

В отличие от Дай Чжию, Цай Шимо, хотя и не блистал успехами в учебе, всегда был в курсе всех новостей и обладал живым умом. После переезда в Великобританию он успешно занимался бизнесом. Его отец был высокопоставленным чиновником в информационном агентстве, а мать — финансовым журналистом. С детства, находясь в такой среде, он научился быть более зрелым и гибким в общении с людьми, став человеком, действительно способным на большие дела.

Семья Линь Гуанлэ занималась недвижимостью, и он был настоящим богачом. Так как его родители умерли рано, он остался единственным мужчиной в семье, окруженный бабушками, тетями, сестрами и кузинами, которые буквально носили его на руках. Ему наскучила экономика, и старшие позволили ему изучать искусствоведение. После окончания учебы он заявил, что хочет развиваться самостоятельно, и старшие позволили ему бросить семейный бизнес и открыть рекламную компанию с друзьями. В результате он так и не научился ничему полезному и в итоге разорился.

Пока все смеялись, у Линь Гуанлэ зазвонил телефон. Оказалось, что друг, занимающийся бизнесом, нуждался в финансировании и хотел, чтобы он вложил. «Вложение» было лишь красивым словом, а на самом деле речь шла о том, чтобы использовать его как живой банкомат. Линь Гуанлэ был человеком, который ценил дружбу, и это было как его главным достоинством, так и главным недостатком. Его друзья были самых разных мастей, от владельцев крупных компаний до уличных торговцев, и он мог запросто заговорить с любым из них. Неважно, был ли это настоящий друг или нет, если кто-то просил о помощи, он никогда не отказывал.

Услышав, как Линь Гуанлэ все больше увлекается разговором и уже готов выписать чек, Лу Сяоянь выхватил у него телефон и выключил его. Линь Гуанлэ, которому уже за тридцать, оказался в столь плачевном положении во многом из-за своей неспособности управлять финансами и постоянной раздачи денег. Будучи его другом, Лу Сяоянь не мог позволить ему снова наступить на те же грабли.

— Эй, эй, эй! — Линь Гуанлэ все еще держал в руках пустой телефон, с недоумением глядя на Лу Сяояня. — Что случилось? Я же разговаривал.

Лу Сяоянь глубоко вздохнул и терпеливо начал объяснять:

— Але, даже самое большое состояние может закончиться. Одна неудачная инвестиция может оставить тебя без гроша. В этом мире все любят деньги, и никто не станет просто так делиться с тобой куском пирога. Те, кто клянутся, что дадут тебе выгоду, на самом деле хотят получить от тебя что-то большее.

Он не дал Линь Гуанлэ возможности возразить и добавил строго:

— И больше не смей кататься на мотоцикле, тем более гонять. Если не хочешь сломать позвоночник и провести остаток жизни в инвалидном кресле, даже справлять нужду с помощью других!

Линь Гуанлэ вздрогнул и, похлопав себя по груди, пробормотал:

— Сяоянь, ты, наверное, перепил. Что за разговоры о сломанном позвоночнике и инвалидном кресле, это же не к добру. Не забывай, что это ты первым начал кататься на мотоцикле, и тот F4RR ты мне подарил.

— Заткнись и запомни мои слова, а то получишь! — Лу Сяоянь раздраженно сверкнул глазами, на мгновение показавшись довольно грозным.

Он был сильным и властным человеком, с детства привыкшим быть лидером среди друзей, и когда он говорил серьезно, это производило впечатление. По крайней мере, для Линь Гуанлэ, с его детским характером, слова «а то получишь» звучали довольно устрашающе, особенно после выпивки.

Почувствовав, что атмосфера накаляется, Дай Чжию попытался предложить:

— Пожалуй, на сегодня хватит. Давайте разойдемся. Если вернемся слишком поздно, Мэгги снова начнет подозревать меня...

Мэгги была девушкой Дай Чжию, женщиной, которая любила привлекать внимание. Дай Чжию, дожив до двадцати с лишним лет, не курил, не пил и не изменял, был предан своей девушке, настоящий идеальный мужчина. К сожалению, эта женщина его не ценила, используя лишь как трамплин для входа в более высокие социальные круги. В прошлой жизни Мэгги сама предложила себя Лу Сяояню, но не только не добилась успеха, но и была унижена им. Затаив обиду, она устроила ловушку перед Дай Чжию, обвинив Лу Сяояня в домогательствах, и даже после того, как друзья поссорились, не оставила свои попытки.

Не дав Дай Чжию закончить, Лу Сяоянь обратился к нему:

— И ты, Тупица, перестань позволять женщине вертеть тобой как хочет. Красивые женщины в этом мире ненадежны, а их красивые слова и подавно! Все эти «я люблю тебя десять тысяч лет», «я буду любить тебя вечно» — просто бред из дешевых сериалов, чтобы обмануть глупых девушек. Те, кто постоянно кричат, что любят тебя, скорее всего, предадут тебя в конце, а те, кто действительно любят тебя и готовы умереть за тебя, никогда не станут говорить об этом на каждом шагу!

Закончив свою речь, Лу Сяоянь был так взволнован, что его глаза покраснели, ведь это были

его искренние слова, его боль. Он тоже когда-то совершил ту же ошибку, доверившись Му Ся, и заплатил за это высокую цену.

Слова Лу Сяояня не затронули Дай Чжию, но нашли отклик у Линь Гуанлэ. Линь Гуанлэ был убежденным холостяком, никогда не был в отношениях и в двадцать пять лет оставался девственником. Ему всегда было неприятно видеть, как Дай Чжию унижается перед своей девушкой:

— Да, да, Сяоянь прав, братья — это как руки и ноги, а женщины — как одежда. Я просто не понимаю, что в них такого особенного, ведь они тоже едят, спят, ходят в туалет и пукают. Я считаю, что мне достаточно просто быть с братьями, веселиться и наслаждаться жизнью! Когда я состарюсь и не смогу двигаться, вы все будете по очереди ухаживать за мной, каждый по четыре месяца, чтобы в сумме получился год. Давайте выпьем за братьев!

Подняв бокал, он ждал, но никто не поддержал его. Однако это его не смутило, и он сам налил напитки остальным, поднял тост и выпил за всех, крича:

— Да здравствуют братья! К черту женщин!

Оставив Линь Гуанлэ одного в его приступе эйфории, Цай Шимо сел рядом с Лу Сяоянем и осторожно спросил:

— Сяоянь, мне кажется, сегодня ты какой-то необычный. У тебя проблемы? Может, расскажешь, и мы вместе подумаем, как помочь...

Лу Сяоянь с трудом сдерживал свои эмоции и медленно покачал головой:

— А Мо, мы братья сегодня и будем братьями навсегда. Если потеряешь дело, можно начать заново, главное — остаться в живых. Но братство — это другое, оно зависит от судьбы, и если упустишь его в этой жизни, второго шанса не будет.

Цай Шимо побледнел:

— Сяоянь, ты... ты что-то услышал?

<http://bllate.org/book/16461/1493641>